

То, что я могла тогда сделать, сейчас мне кажется неприемлемым, и наоборот.

— Например?

— Подойти к незнакомому на улице и спросить, не видел ли он человека. Разместить ориентировку. Ты знаешь, я же очень боялась делать репост сообщений о пропаже Жени Обещиковой семь лет назад: а вдруг я тем самым привлеку на себя какую-то беду, и мои дети тоже пропадут.

— А сейчас? Есть же мнение, что когда чего-то боишься, это с тобой и случается.

— А сейчас не боюсь. Я, по крайней мере, знаю, что делать, если это случится. Самое сложное для меня по-прежнему — просить о помощи, теперь уже о финансовой. Мы на этот квадрокоптер собираем уже сто лет. Уже модель-то с производства сняли, а мы всё собрать не можем.

Первые несколько лет меня обижали отзывы в соцсетях. Мы зовём их авторов «диванными войсками». Ты работаешь, ищешь, делаешь сложный выбор («бегунка», например, могут спугнуть активные поиски, и тут надо принимать решение), знаешь, что можешь оказаться в чём-то не прав, что из-за тебя, твоих действий или бездействия может погибнуть человек. А потом появляются «диванные эксперты» и говорят: «Вы такие дураки, вы не там ищите». Бывает, про родственников начинают писать: «Да что это за родители, если ребёнок из дома убежал». Да какое ваше дело? Разберутся специальные органы.

Потом я научилась игнорировать такие сообщения. А сейчас просто удаляю без объяснений. Многому научилась на самом деле.

— Почему ты этим живёшь?

— Если пропадут мои дети, я буду знать, что делать. Приложу все усилия, чтобы огромное количество людей пришли на поиски и помогли. Я не останусь один на один с этой бедой. ❏